

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2023.63.41.030

Процедура контроля задержания habeas corpus: перспективы развития в Российской Федерации

Даниленко Ирина Анатольевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: irinadanilenko35@gmail.com

Васильев Николай Владимирович

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: vasilyevi@mail.ru

Щербакова Анастасия Александровна

Ассистент кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: aascherbakova@msal.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительному исследованию процедуры habeas corpus в системе общего права и судебного контроля законности и обоснованности задержания по подозрению в совершении преступления в российском законодательстве. Задержание подозреваемого является одной из форм допустимого кратковременного ограничения конституционных прав и свобод личности, предусмотренного законодателем. При этом задержание подозреваемого обладает двойственной природой: с одной стороны, это мера уголовно-процессуального принуждения, а с другой – одна из форм уголовного преследования. Указанное обстоятельство порождает сложности при контроле законности и обоснованности такого задержания со стороны судебных органов, которые в этом случае вынуждены вторгаться в главный факт доказывания по уголовному делу. Авторы постарались выявить основные противоречия в указанной процедуре и определить возможные пути их разрешения.

Для цитирования в научных исследованиях

Даниленко И.А., Васильев Н.В., Щербакова А.А. Процедура контроля задержания habeas corpus: перспективы развития в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 4А. С. 394-407. DOI: 10.34670/AR.2023.63.41.030

Ключевые слова

Задержание подозреваемого, неприкосновенность личности, habeas corpus, судебный контроль, предубежденность судьи, главный факт доказывания, стандарты доказывания.

Введение

В соответствии с ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Речь в этой статье идет о базовом благе человека – физической свободе и неприкосновенности. Указанное право не случайно располагается в первых статьях не только российской Конституции, но и практически каждого национального или международного акта, посвященного правам человека. О.Е. Кутафин – один из высочайших теоретиков российского конституционализма – рассматривал личную неприкосновенность как правовой институт, содержащий в себе «проявление принципов гуманизма и справедливости, характерных для демократического общества» [Кутафин, 2011, т. 4, 132]. И.Л. Петрухин определял неприкосновенность личности как «общеправовой институт, включающий телесную, духовную, нравственную и психическую неприкосновенность личности, в частности ее индивидуальную свободу и личную безопасность» [Петрухин, 1989, 7]. Физическая свобода как гуманистическая ценность и личная неприкосновенность как правовой принцип находятся в одном ряду с такими категориями, как жизнь, верховенство закона, демократия и правовая определенность.

В то же время рассматриваемое конституционное право не является абсолютным и, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом Конституция РФ недвусмысленно требует, чтобы формой ограничения этого права выступал только принятый в установленном порядке и вступивший в законную силу федеральный закон.

Одним из таких федеральных законов, допускающих ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, является действующий УПК РФ. Опираясь на законный интерес государства и общества защищать себя от преступных посягательств, УПК РФ определяет границы допустимого вмешательства государственных органов в права и свободы граждан при расследовании уголовных преступлений. При этом УПК РФ гарантирует исполнение основополагающих начал Конституции РФ. В п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства предусматривается защита личности от незаконного и необоснованного не только обвинения и осуждения, но и ограничения ее прав и свобод. Развивая конституционные постулаты, законодатель предусматривает в ст. 10 УПК РФ, корреспондирующие Основному закону положения, посвященные неприкосновенности личности.

Результаты исследования и их обсуждение

Неизбежно возникающий в сфере противодействия преступности конфликт между интересами всего общества и правами отдельной личности требует поиска баланса. С одной стороны, обеспечивая безопасность своих граждан, государство нуждается в возможности кратковременного лишения свободы того лица, которого считает причастным к совершенному общественно опасному деянию. С другой стороны, любой человек должен обладать защитой от произвольного задержания или заключения под стражу. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно отмечал, что закрепление в законе возможности ограничения свободы и личной неприкосновенности является результатом разрешения коллизии между правом каждого на свободу и обязанностью государства обеспечить посредством правосудия защиту значимых для общества ценностей (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П). Особенно остро эта проблема проявляется в момент первой встречи заподозренного в совершении преступления с правоохранительными органами, поскольку она чаще всего сопровождается его задержанием. Задержание, несмотря на всю неотложность и временной дефицит, должно отвечать общему правилу ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность – быть необходимым и соразмерным в демократическом обществе. Такой баланс достигается законодателем различными способами: точно определенными основаниями, условиями и сроками задержания, установленной процедурой, оформлением, предоставлением юридической помощи и прочими процессуальными гарантиями. Этот подход постепенно становится универсальным и синхронизируется у законодателей самых различных стран, относящих себя к демократическим государствам.

Самым известным условием соблюдения баланса при задержании лица правоохранительными органами в странах общего права является многовековая процедура *habeas corpus*, возникшая в Англии в 1679 г. В момент принятия эта процедура предполагала целый ряд гарантий для задержанного. Во-первых, каждый арестованный или задержанный имел право требовать от любого наличного судьи или канцлера *writ of habeas corpus* (приказ о доставлении в суд). Во-вторых, задержанный в установленный срок, но не более чем в 20 дней, должен быть представлен перед судьей с обоснованием его задержания. Если указанное обстоятельство не исполнялось, должностные лица несли тяжкие наказания и крупные денежные взыскания. В-третьих, судья должен был незамедлительно исследовать дело и, если оказывалось, что человек задержан не за совершение тяжкого преступления, немедленно освобождал его, а если за тяжкое, то мог назначить срок, в течение которого должно состояться предание суду. В-четвертых, запрещалось подвергать вторичному задержанию за то же деяние лицо, освобожденное судом по итогам процедуры *habeas corpus* [Фойницкий, 1902, т. 1, 176].

М.А. Чельцов-Бебутов отмечал, что суть рассматриваемой процедуры сводится к возможности выдачи приказа *habeas corpus*, кроме случаев, когда в предписании точно обозначено, что причиной ареста является подозрение в государственной измене (*treason*) или в каком-нибудь тяжком преступлении (*felony*) [Чельцов-Бебутов, 1995, 392]. По мнению данного исследователя, в процедуре *habeas corpus* велика роль судейского усмотрения [Там же, 394].

Процедура *habeas corpus* основана на правовой природе прерогативных судебных приказов и предполагает презумпцию отсутствия полномочий должностных лиц ограничивать конституционные права граждан. Задержанный в таком процессе не несет бремени

доказывания. Напротив, должностное лицо, являющееся ответчиком, должно доказать свои полномочия и основания осуществить задержание гражданина. В противном случае суд должен принять решение в пользу заявителя.

Задержанный также должен быть немедленно освобожден в случае установления любого из следующих обстоятельств: 1) должностные лица превысили свои полномочия; 2) несмотря на законность заключения, последующие предписания указывают на необходимость освобождения данного лица; 3) имеются существенные процессуальные нарушения в процессе производства по уголовному делу; 4) задержание произвели лица, не уполномоченные законом это делать; 5) обвинение выдвинуто без достаточных оснований. Данный перечень не является исчерпывающим для освобождения лица, находящегося под арестом [Волосова, 2009, 298].

Российское, а в дальнейшем советское законодательство долгое время не предполагало возможности суда бороться с произвольными арестами или задержаниями. Хотя И.Я. Фойницкий отмечал, что включение в Устав уголовного судопроизводства ст. 8-11 имело в виду те же цели, которые преследовались английским Habeas Corpus Act, и даже имелась ссылка на этот источник [Фойницкий, 1902, т. 1, 177]. По утверждению данного исследователя, в дореволюционной России после реформы 1864 г. подобные функции судебного контроля соблюдения личной свободы осуществляли судьи всех уровней, а равно судебные следователи. В их обязанности входила проверка следующих фактов при задержании: полномочия лиц, осуществивших задержание; процессуальное оформление задержания; место задержания. Вместе с тем порядок разбирательства при прекращении задержания не был определен. Голословные утверждения задержанного для освобождения были недостаточны, и в каждом случае суду необходимо было запрашивать все документы и знакомиться с ними [Там же, 180]. Таким образом, бремя доказывания отчасти возлагалось и на самого задержанного.

В советский период судебный контроль задержания не предусматривался законодательством. Первой его предпосылкой стало появление в 1992 г. ст. 220.1 и 202.2 в УПК РСФСР и целого ряда последовавших решений Конституционного Суда РФ. Эти процессуальные возможности судебного контроля касались исключительно заключения под стражу и не распространялись на задержание. Однако следует отметить общую тенденцию расширения судебного контроля на предварительном расследовании, возникшую в этот момент и допустившую возможность судебного обжалования действий и решений органа дознания, следователя или прокурора, связанных с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П). Авторы допускают, что эволюционное продолжение этих идей с большой долей вероятности привело бы законодателя к вопросу и о формировании процедуры судебного обжалования задержания.

Вступивший с 1 января 2002 г. УПК РФ ознаменовал отказ от прокурорского санкционирования процедуры заключения под стражу и полностью возложил эту функцию на суд. Указанные положения предполагали свое вступление в силу не одновременно с УПК РФ, а лишь с 2004 г., но были форсированы громким Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-П. Именно изменение порядка заключения под стражу, по мнению авторов, приостановило развитие процедуры *habeas corpus* в Российской Федерации.

В новом российском уголовно-процессуальном законодательстве процедура задержания функционально увязана с процедурой судебного рассмотрения ходатайства о заключении

подозреваемого под стражу (ст. 108 УПК РФ). Именно в суд, причем не позднее чем через 40 часов с момента фактического задержания, необходимо доставить подозреваемого для решения вопроса об избрании к нему меры пресечения в виде заключения под стражу (или иной меры, предполагающей судебный порядок применения). Судебное присутствие и судебная процедура порождают ощущение судебного контроля, распространяющегося в том числе на задержание. Ведь вполне логичным представляется, что доставление задержанного в суд с неизбежностью повлечет проверку законности и обоснованности его задержания или по крайней мере возможность такой проверки. На это указывают и руководящие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Так, в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11 июня 2020 г.) указано, что «в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также наличию оснований и соблюдению порядка задержания подозреваемого (ст. 91 и 92 УПК РФ)».

Вместе с тем детальное рассмотрение процедуры, установленной ст. 108 УПК РФ, позволяет усомниться в наличии эффективной возможности подозреваемого поставить перед судом вопрос о законности и в особенности об обоснованности задержания по подозрению в совершении преступления. Это следует из целого ряда несогласованных норм и процедур в УПК РФ.

Прежде всего для проверки законности и обоснованности задержания недостаточно возможностей судьи, разбирающего материалы, представленные вместе с задержанным. Существуют два самостоятельных блока вопросов: один связан с обоснованностью уже состоявшегося задержания, а второй – с обоснованностью ходатайства о еще только избираемой мере пресечения. Как должен поступить суд, если проявится расхождение между этими двумя блоками вопросов? Например, если само задержание произведено необоснованно и с нарушением закона, но за 40 часов органы следствия смогли собрать достаточные доказательства, указывающие, что подозреваемый может скрыться. Согласно ч. 7 ст. 108 УПК РФ, судья может вынести только одно из следующих решений:

- об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу;
- об отказе в удовлетворении ходатайства;
- о продлении срока задержания. При этом продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов.

Во всем спектре возможностей место для проверки задержания предусмотрено лишь в третьем варианте, когда суд решает вопрос о продлении срока задержания. Но это решение является промежуточным и временным. Следовательно, перечисленные в ч. 7 ст. 108 УПК РФ итоговые возможности суда ориентированы на обоснованность именно меры пресечения в виде заключения под стражу. У суда нет правовых полномочий признать задержание незаконным и при этом избрать меру пресечения либо освободить на этом основании задержанного.

Обратим внимание на положения ч. 1 ст. 94 УПК РФ, согласно которой подозреваемый подлежит освобождению по постановлению дознавателя или следователя, если:

- не подтвердилось подозрение в совершении преступления;
- отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу;

– задержание было произведено с нарушением требований ст. 91 УПК РФ.

Законодатель исключил суд из субъектов принятия любого из трех названных решений. Опираясь на букву закона, следует понимать, что только дознаватель или следователь вправе своим решением констатировать незаконность (п. 3) или необоснованность (п. 1) задержания.

Эта несогласованность между гарантиями судебной защиты и отсутствием возможности ее реализации вполне ожидаема для российского уголовного процесса. По мнению авторов, причина кроется в двойственной природе задержания.

С одной стороны, задержание является одной из мер принуждения, чья основная задача – обеспечить местонахождение лица по месту производства предварительного расследования и предотвратить возможное незаконное противодействие этому расследованию. С другой стороны, задержание является одной из форм уголовного преследования, применение которой означает формулирование уголовно-правовой претензии к конкретному лицу от имени государства. Лицо с момента задержания становится подозреваемым. Ни обыск, ни привод, ни наложение ареста на имущество не сделают лицо подозреваемым. Но сам факт задержания юридически означает начало уголовного преследования гражданина. Как отметил А.С. Архипов, в тексте ст. 91 УПК РФ речь идет о задержании по подозрению в совершении преступления не имеющего процессуального статуса лица, которое становится подозреваемым только по факту его задержания [Архипов, 2017].

На это указывают и сами основания задержания, перечисленные в ст. 91 УПК РФ. Такими основаниями являются факты, подтверждающие причастность лица к совершенному преступлению: нахождение на месте совершения преступления, наличие на лице или в жилище явных следов преступления, указание очевидцев на задержанного как на лицо, совершившее преступление, и др.

В указанном аспекте категория «причастность» отличается от категории «виновность» лишь степенью доказанности. Их направленность является единой: оба понятия утверждают о существовании главного факта доказывания – наличии общественно-опасного деяния, наличии в нем состава преступления и совершении его конкретным лицом. Все эти три утверждения являются существом уголовного дела. Несмотря на то, что в момент задержания разрешение уголовного дела по существу еще не происходит, уже в данный момент формулируется утверждение о наличии всех трех составляющих элементов.

Не случайно Конституционный Суд РФ, разбирая вопрос о правовых последствиях освобождения задержанного, вынужден был принять во внимание дифференциацию оснований для освобождения подозреваемого из-под стражи и, вопреки положениям ст. 46 УПК РФ, констатировать, что само по себе освобождение задержанного не означает во всех случаях прекращение процессуального статуса лица в качестве подозреваемого, снятие с него подозрения в преступлении, а равно прекращение его уголовного преследования. Развивая эту мысль, Конституционный Суд РФ указывает, что при освобождении задержанного дознаватель, следователь обязаны рассмотреть вопрос о продолжении обвинительной деятельности в отношении этого лица, но только освобождение на основании п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ подтверждает отсутствие достаточных данных для выдвижения подозрения и служит поводом для разрешения вопроса о прекращении уголовного преследования лица, освобожденного из-под стражи (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П).

Таким образом, проверка обоснованности задержания с неизбежностью столкнется с оценкой причастности лица к совершенному преступлению и вторжением в главный факт

доказывания, а в итоге может повлечь прекращение уголовного преследования. Вместе с тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, при проверке в период предварительного расследования тех или иных процессуальных актов суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу. Иное противоречило бы конституционному принципу независимости суда (ст. 120 Конституции Российской Федерации), гарантирующему в условиях состязательного процесса объективное и беспристрастное осуществление правосудия по уголовным делам (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П и Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 1009-О-О).

Следует отметить, что такая проблема не возникает при судебном контроле законности и обоснованности применения мер пресечения, где основания должны указывать на поведение лица в период расследования, без доказывания его причастности. Как указал Конституционный Суд РФ, по смыслу уголовно-процессуального закона, решения, связанные с применением меры пресечения, и решения по существу уголовного дела имеют различную фактическую основу и различное предназначение: если решения о мере пресечения принимаются в целях создания надлежащих условий для осуществления производства по делу и своим основанием имеют достаточные данные, указывающие на то, что обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, то решения по существу уголовного дела основываются на доказательствах, подтверждающих наличие или отсутствие события преступления, виновность или невиновность лица в его совершении, обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (см. Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2319-О).

Таким образом, судебный контроль решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей никоим образом не предопределяет содержание решения, которое будет вынесено впоследствии по вопросу о виновности или невиновности этого обвиняемого в совершении преступления, и не делает судьбу зависимым от ранее принятого им решения. Используя терминологию авторов монографии «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве», можно утверждать, что при контроле обоснованности применения меры пресечения суд разрешает уголовно-процессуальный спор, а при контроле обоснованности задержания вынужден вторгаться в уголовно-правовой спор [Масленникова, 2022, 167-183].

Именно двойственная природа задержания и необходимость оценки причастности лица к совершенному преступлению порождают основную трудность в распространении судебного контроля на процедуру задержания.

Высшие суды Российской Федерации предприняли шаги по разграничению вопроса о причастности (обоснованности подозрения) и вопроса о виновности. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 судам предлагается проверить обоснованность подозрения без обсуждения вопроса о виновности (п. 29). В Постановлении от 22 марта 2018 г. № 12-П Конституционный Суд РФ счел необходимым включать в судебный контроль при заключении под стражу наличие события преступления, его квалификацию, причастность подозреваемого или обвиняемого к его совершению. Этот тезис все больше укореняется в толковании Конституционного Суда РФ (см. Определения Конституционного Суда РФ от

19 декабря 2019 г. № 3320-О и от 31 мая 2022 г. № 1411-О).

Подобный подход выглядит на первый взгляд парадоксальным: как можно оценить наличие события, состава преступления и причастность подозреваемого (обвиняемого) к его совершению и не вторгнуться в вопрос о виновности? Ведь виновность определяется исходя из ответов на эти вопросы. Гипотетически предположим, что судья, рассматривающий ходатайство о заключении под стражу, сделал вывод об отсутствии доказательств наличия события либо состава преступления или доказательств причастности лица к его совершению. На этом основании он отказал в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу. Каковы правовые последствия такого решения? Означает ли такое решение судьи прекращение уголовного преследования, включая право на реабилитацию и запрет повторного обвинения (подозрения) по тем же обстоятельствам? А если, напротив, судья придет к выводу о доказанности события, состава и причастности? Имеет ли такой судья право рассмотреть данное уголовное дело по существу в суде первой инстанции?

Парадоксальность этого подхода иллюзорна. Для преодоления возникающих противоречий Конституционный Суд РФ обращается к не закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве системе стандартов доказывания. Все упомянутые решения этого суда содержат важное ограничение в отношении достаточности представляемых в суд доказательств. Конституционный Суд РФ упоминает о минимальном стандарте доказывания – *prima facie* («на первый взгляд»). Повторим, что именно степень доказанности разграничивает категории «причастность» и «виновность». Похожий подход можно увидеть и в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению». Верховный Суд РФ не требует совокупности достаточных доказательств, ограничиваясь наличием данных о причастности. Как указывала П.А. Лупинская, собирание и проверка доказательств продолжаются и после решения вопроса о мере пресечения. Вывод о виновности не происходит на этапе заключения лица под стражу. Иное, по ее мнению, означало бы обвинительный уклон при принятии решения о мере пресечения и разрешении дела по существу, «тем более когда решения о мере пресечения в ходе досудебного производства принимает тот же судья, который в дальнейшем рассматривает дело по существу» [Лупинская, 2015, 149].

Однако на практике для судей, привыкших к единому подходу оценки любых доказательств по внутреннему убеждению исходя из их достоверности, относимости, допустимости и достаточности, весьма трудно заставить себя изменить устойчивую парадигму и по-разному оценивать доказательства в разных сферах применения. В результате неизменным остается подход, в рамках которого попытка проверить доказательства причастности к совершению преступления во время избрания меры пресечения не основана на требованиях закона (см. Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 июля 2015 г. по делу № 10-9384).

К сожалению, простого решения вопрос о формировании эффективной процедуры судебного контроля обоснованности задержания не имеет. Авторы видят три возможных подхода, и каждый представляется концептуальным.

Первый вариант – признать невозможность такого контроля в неотложном режиме и либо

ограничиться оценкой исключительно формальной процедуры задержания, имея в качестве правовых последствий недопустимость полученных от такого задержанного доказательств и механизм материальных компенсаций, либо отложить судебный контроль уже после завершения стадии предварительного расследования, что само по себе не может расцениваться как нарушение права на судебную защиту, поскольку не исключает возможности судебной проверки задержания после передачи уголовного дела в суд с учетом непродолжительности ограничения конституционного права.

Второй вариант – введение института следственных судей, наделенных исключительными полномочиями в сфере судебного контроля за предварительным следствием, но не рассматривающих уголовные дела по существу. Такое решение видится проблематичным не только с экономической точки зрения, но и вследствие того, что, решая проблему персонального предубеждения, подход не снимает преюдициальных вопросов. К примеру, какие наступят последствия для всего уголовного дела, если следственный судья придет к выводу о том, что в материалах о задержании не подтверждены событие преступления, его состав или отсутствуют доказательства причастности?

Третий вариант представляется авторам наиболее предпочтительным. Он связан с введением в российский уголовный процесс понятия «стандарт доказывания» и пересмотром единого и общего подхода к оценке любых доказательств на основании внутреннего убеждения. Допущение, что судья может менять сформулированную позицию в зависимости от изменения объема представляемых ему доказательств, позволит пересмотреть подход к предубеждению и праву повторной оценки одних и тех же вопросов одним и тем же судьей. Это же допущение позволит отказаться от преюдициальной силы таких судебных решений при рассмотрении уголовного дела по существу.

Многие процессуалисты приходят в последнее время к подобному выводу. Так, авторы монографии «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве», разграничивая два блока вопросов перед судьей в момент разрешения ходатайства о заключении под стражу (о причастности и о процессуальном поведении), соглашаются, что «уровень знаний о фактических обстоятельствах, касающихся инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому) преступления, необходимый для применения процессуального решения о мере пресечения, является предположительным, не требующим достоверного установления всех обстоятельств совершенного преступления, что необходимо при постановлении приговора» [Масленникова, 2022, 173]. Что касается незаконного поведения подозреваемого в период расследования, это, по мнению упомянутых авторов, должно устанавливаться достоверно, убедительными доказательствами [Там же, 181].

Заключение

На основании изложенного авторы настоящей статьи приходят к выводу о том, что процедуры судебного контроля задержания лица по подозрению в совершении преступления, аналогичной процедуре *habeas corpus*, в настоящее время в Российской Федерации не существует. Однако она может быть создана на основе судебного рассмотрения вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу при условии включения в российское уголовное судопроизводство различных стандартов доказывания, не влекущих преюдициальных последствий.

Библиография

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 01.07.2015 по делу № 10-9384. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/d9945ac5-3100-4ccd-8123-917f0a009a28>
2. Архипов А.С. Задержание подозреваемого по поручению следователя вне места производства предварительного расследования (процессуальный аспект) // Российский следователь. 2017. № 8. С. 7-9.
3. Волосова Н.Ю. Habeas corpus – особые права обвиняемого. История вопроса и современные правовые традиции борьбы с лжесвидетельством // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 297-299.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. М.: Проспект, 2011. Т. 4. 309 с.
6. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М.: Норма, 2015. 240 с.
7. Масленникова Л.Н. (отв. ред.) Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2022. 448 с.
8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Владимира Павловича на нарушение его конституционных прав частями первой, третьей и четвертой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3320-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=614707#UGKUAhTS4Xxbqw8C3>
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Павла Борисовича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1009-О-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92526/
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полудницына Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 108, частью первой статьи 401.15 и частью первой статьи 412.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 статьи 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1411-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=717662#ASoVAhT8CSqwOjf9>
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Беляевой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав статьями 61 и 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 2319-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=315813#4GCn9hT2BOXS349d1>
13. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. 256 с.
14. По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского: постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283210/
15. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырцекого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22704/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/
16. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52496/
17. По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 № 6-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23387/
18. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294013/
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.11.2001: одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос.

Федерации 05.12.2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

20. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская типография, 1902. Т. 1. 572 с.

21. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа, 1995. 846 с.

Habeas corpus as a detention control procedure: prospects for development in the Russian Federation

Irina A. Danilenko

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of criminal procedural law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: irinadanilenko35@gmail.com

Nikolai V. Vasil'ev

PhD in Law,
Senior Lecturer at the Department of criminal procedural law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vasiljevi@mail.ru

Anastasiya A. Shcherbakova

Assistant Lecturer at the Department of criminal procedural law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aascherbakova@msal.ru

Abstract

The article carries out a comparative research on the habeas corpus procedure in the system of common law and judicial control over the legality and validity of detention on suspicion of committing a crime under Russian law. The detention of a suspect is one of the forms of the permissible short-term restriction on the constitutional rights and freedoms of the individual provided for by the legislator. The detention of a suspect has a dual nature: on the one hand, it is a measure of criminal procedural coercion; on the other hand, it is one of the forms of criminal prosecution. This circumstance creates difficulties in the control over the legality and validity of such detention by the judicial authorities, which in this case are forced to intrude into the principal fact to be proven in a criminal case. The research identifies the main contradictions in this procedure and determines possible ways to resolve them. The authors of the article conclude that there is no procedure for judicial control over the detention of a suspect in the Russian Federation that is similar to habeas corpus. However, it can be created on the basis of judicial examination of applying a preventive measure in the form of detention to a detainee, provided that various standards of proof are included in Russian criminal procedure that do not entail prejudicial consequences.

For citation

Danilenko I.A., Vasil'ev N.V., Shcherbakova A.A. (2023) Protsedura kontrolya zaderzhaniya habeas corpus: perspektivy razvitiya v Rossiiskoi Federatsii [Habeas corpus as a detention control procedure: prospects for development in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (4A), pp. 394-407. DOI: 10.34670/AR.2023.63.41.030

Keywords

Detention of a suspect, inviolability of the person, habeas corpus, judicial control, judge's prejudice, principal fact to be proven, standards of proof.

References

1. *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 01.07.2015 po delu № 10-9384* [Appellate resolution adopted by the Moscow City Court on July 1, 2015 (Case No. 10-9384)]. Available at: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/d9945ac5-3100-4ccd-8123-917f0a009a28> [Accessed 12/04/23].
2. Arkhipov A.S. (2017) Zaderzhanie podozrevaemogo po porucheniyu sledovatelya vne mesta proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya (protsessual'nyi aspekt) [Detaining a suspect by order of an investigator outside the place of preliminary investigation (the procedural aspect)]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 8, pp. 7-9.
3. Chel'tsov-Bebutov M.A. (1995) *Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuznykh gosudarstvakh* [A course in criminal procedural law. An outline of the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal, and bourgeois states]. St. Petersburg: Al'fa Publ.
4. Foinitskii I.Ya. (1902) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A course in criminal procedure], Vol. 1. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ.
5. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 12/04/23].
6. Kutafin O.E. (2011) *Izbrannye trudy: v 7 t.* [Selected works: in 7 vols.], Vol. 4. Moscow: Prospekt Publ.
7. Lupinskaya P.A. (2015) *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal procedure: theory, legislation, practice]. Moscow: Norma Publ.
8. Maslennikova L.N. (ed.) (2022) *Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proving and decision-making in adversarial criminal procedure]. Moscow: Norma Publ.
9. *O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i zapreta opredelennykh deistvii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19.12.2013 № 41* [On the practice of applying the legislation on measures of restriction in the form of taking into custody, house arrest, bail and prohibition of certain actions by courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of December 19, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ [Accessed 12/04/23].
10. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Baikova Vladimira Pavlovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chastyami pervoi, tret'ei i chetvertoi stat'i 108 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.12.2019 № 3320-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint from the citizen Vladimir Pavlovich Baykov about the violation of his constitutional rights by Parts 1, 3, and 4 of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3320-O of December 19, 2019]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=614707#UGKUAhTS4Xxbqw8C3> [Accessed 12/04/23].
11. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Golubeva Pavla Borisovicha na narushenie konstitutsionnykh prav ego nesovershennoletnego syna chast'yu pervoi stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.2009 № 1009-O-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint from the citizen Pavel Borisovich Golubev about the violation of the constitutional rights of his minor son by Part 1 of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1009-O-O of July 2, 2009]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92526/ [Accessed 12/04/23].
12. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Poludnitsyna Sergeya Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chastyami pervoi i tret'ei stat'i 108, chast'yu pervoi stat'i 401.15 i chast'yu pervoi stat'i 412.9 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, a takzhe punktom 2 stat'i 97 Federal'nogo konstitutsionnogo*

- zakona "O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii": opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 31.05.2022 № 1411-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint from the citizen Sergey Alexandrovich Poludnitsyn about the violation of his constitutional rights by Parts 1 and 3 of Article 108, Part 1 of Article 401.15, and Part 1 of Article 412.9 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as Item 2 of Article 97 of the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1411-O of May 31, 2022]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=717662#ASoVAhT8CSqwOjf9> [Accessed 12/04/23].
13. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Belyaevoi Marii Aleksandrovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav stat'yami 61 i 63 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.12.2012 № 2319-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint from the citizen Mariya Alexandrovna Belyaeva about the violation of her constitutional rights by Articles 61 and 63 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2319-O of December 24, 2012]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=315813#4GCn9hT2BOXS349d1> [Accessed 12/04/23].
  14. Petrukhin I.L. (1989) *Neprikosnovennost' lichnosti i prinuzhdenie v uголовnom protseссе* [The inviolability of the person and coercion in criminal procedure]. Moscow: Nauka Publ.
  15. *Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei pervoi i tret'ei stat'i 107 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina S.A. Kostromina: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.03.2018 № 12-P* [On checking the constitutionality of Parts 1 and 3 of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint from the citizen S.A. Kostromin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P of March 22, 2018]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294013/ [Accessed 12/04/23].
  16. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii statei 38 i 125 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina V.V. Chenskogo: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21.11.2017 № 30-P* [On checking the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint from the citizen V.V. Chensky: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P of November 21, 2017]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283210/ [Accessed 12/04/23].
  17. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii stat'i 133, chasti pervoi stat'i 218 i stat'i 220 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami grazhdan V.K. Borisova, B.A. Kekhmana, V.I. Monastyretskogo, D.I. Fuflygina i obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Monokom": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.03.1999 № 5-P* [On checking the constitutionality of the provisions of Article 133, Part 1 of Article 218, and Article 220 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints from the citizens V.K. Borisov, B.A. Kekhman, V.I. Monastyretsky, D.I. Fuflygin and the limited liability company "Monokom": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of March 23, 1999]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22704/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ [Accessed 12/04/23].
  18. *Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozhenii Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, reglamentiruyushchikh poryadok i sroki primeneniya v kachestve mery presecheniya zaklyucheniya pod strazhu na stadiyakh uголовного sudoproizvodstva, sleduyushchikh za okonchaniem predvaritel'nogo rassledovaniya i napravleniem uголовного dela v sud, v svyazi s zhalobami ryada grazhdan: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.03.2005 № 4-P* [On checking the constitutionality of several provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure and time limits for the use of taking into custody as a measure of restriction at the stages of criminal proceedings following the end of preliminary investigations and the referral of criminal cases to the court, in connection with complaints from several citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P of March 22, 2005]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52496/ [Accessed 12/04/23].
  19. *Po delu o proverke konstitutsionnosti statei 90, 96, 122 i 216 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami grazhdan S.S. Malenkina, R.N. Martynova i S.V. Pustovalova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.03.2002 № 6-P* [On checking the constitutionality of Articles 90, 96, 122, and 216 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints from the citizens S.S. Malenkin, R.N. Martynov, and S.V. Pustovalov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of March 14, 2002]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23387/ [Accessed 12/04/23].
  20. *Uголовно-protseссual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.11.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.12.2001* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ [Accessed 12/04/23].

-
21. Volosova N.Yu. (2009) Habeas corpus – osoby prava obvinyaemogo. Istoriya voprosa i sovremennye pravovye traditsii bor'by s lzhesvidetel'stvom [Habeas corpus—special rights of the accused. The history of the issue and modern legal traditions of the fight against perjury]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 1, pp. 297-299.